

<БЕЗ ПОДПИСИ>

Политические причины неравномерности экономического положения отдельных стран*

<Фрагменты>

<...>

Итак, попытаемся конкретизировать решающие политические моменты.

Возникновение кризиса в США — результат действия внутренних законов капитализма. Кризис фактически начался еще в апреле 1937 г. Начался он в подразделении II, в производстве средств потребления. Расширение производства натолкнулось на рамки ограниченной покупательной способности общества. В подразделении I, в производстве средств производства, подъем еще продолжался до августа, после чего и здесь наступило падение. Все это еще можно объяснить экономическими причинами, действием внутренних законов движения капитализма. Но неслыханно резкий темп падения производства средств производства осенью 1937 г. имел и политические причины.

Производство средств производства в США (1929 = 100)

Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Январь	Февраль
		1938				1938
104,1	94,4	83,5	61,5	49,7	47,1	47,7

«Monthly Bulletin of Statistics», B. of N., No. 4, 1938.

* Впервые: Мировое хозяйство: Ежегодник 1937/1938 / Под общ. ред. Е. Варга. Акад. наук СССР. Институт мирового хозяйства и мировой политики. Печатается по этому изданию. М., 1938. С. 9, 34–35, 37–38, 94–98. — *Примеч. сост.*

Создание Комитета производственных профсоюзов (который организует рабочих в профсоюзы не по признаку их квалификации, как это делает Американская федерация труда, т. е. не создает союзы рабочих отдельных специальных профессий, а объединяет в один профсоюз всех рабочих данной отрасли производства) впервые в истории США заставило магнатов железной, стальной, автомобильной промышленности и т. д. признать профсоюзы и заключить с ними коллективные договоры. В 1936 г. и в первой половине 1937 г. предприниматели не хотели доводить дело до забастовок, чтобы не подвергать опасности благоприятную конъюнктуру (исключение составили Форд и некоторые независимые фирмы в стальной промышленности). Кой-какую роль сыграло и благожелательное отношение к профсоюзам, проявленное рузвельтовской администрацией (в отличие от Гувера и Кулиджа). Но предприниматели заключили тогда колдоговоры на очень короткие сроки, самое большее на один год. Теперь же они воспользовались возникновением кризиса и начали производить массовое увольнение рабочих, преждевременно закрывать предприятия, углублять кризис. В то же время они объявили виновником кризиса рузвельтовскую администрацию, утверждая будто бы кризис вызван ее налоговым законодательством и мероприятиями в области социальной политики. Мы приводим несколько высказываний, в которых американские крупные капиталисты открыто заявляют о своем саботаже.

Так, например, газета «New York Times» (23.X.1937) в корреспонденции из Акрона приводит следующее заявление президента Нейля известной Генеральной компании автомобильных шин и каучука.

«Нынешняя забастовка крупного и мелкого капитала объясняется неопределенным и неудовлетворительным положением американского хозяйства».

Редактор финансового отдела газеты «New York World Telegraph» Гендершот писал в номере (17.XI.1937)*:

«Богач (the big fellow) забастовал. Ему не приходится поддерживать непрерывную работу своего предприятия, чтобы заработать на жизнь. Он в состоянии без особого труда выдержать кризис. Он может ждать до тех пор, пока налоги не будут изменены в соответствии с его желаниями».

* Цитируем по «Daily Worker», 18.XI.1937.

Во Франции продолжающийся вот уже пять лет застой производства в значительной части объясняется саботажем крупной буржуазии, ее борьбой против народного фронта, против социальных завоеваний французского пролетариата.

<...>

<...> В конце мая Германия и Италия вышли из Лондонского комитета по невмешательству, но скоро туда вернулись. 23 июня они заявили об отказе от участия в морском контроле, введенном 23 апреля 1937 г. Фашистские интервенты, превращая невмешательство в фарс, а Лондонский комитет в прикрытие для интервенции, не были заинтересованы в полном взрыве этого комитета, в прекращении фактической блокады республиканской Испании.

На протяжении всей второй половины года Лондонский комитет занимался обсуждением так называемого «английского плана», причем тактика Италии, Германии и Португалии сводилась к тому, чтобы всемерно саботировать и затягивать обсуждение всех конкретных предложений, касающихся действительного проведения невмешательства, эвакуации так называемых «добровольцев» и т. д. В ноябре, наконец, была достигнута договоренность о принятии английского плана, дополненного французскими предложениями. Тем не менее интервенция фашистских государств в Испании продолжалась, а в связи с поражением фашистов под Теруэлем Италия к концу 1937 г. начала форсированно готовиться к переброске в Испанию нового большого экспедиционного корпуса численностью в 50 тыс. человек.

Советский Союз, принимая участие в Лондонском комитете, решительно и смело разоблачал сущность так называемого «невмешательства», настаивая на проведении мер, гарантирующих действительное невмешательство фашистских интервентов в испанские дела, всемерно старался оградить интересы испанского народа от иностранных захватчиков, не допустить превращения Испании в плацдарм новой мировой войны. Моральная и дипломатическая поддержка СССР, братская помощь трудящихся СССР являлись существеннейшим фактором борьбы Испанской республики. Победы республиканской армии под Гвадаррамой, где были разбиты крупные немецкие экспедиционные части, под Гвадалахарой, где наголову был разбит итальянский экспедиционный корпус, продемонстрировали силу и мощь Испанской республики, готовность и волю испанского народа бороться

за свою свободу и национальную независимость, за дело всего прогрессивного человечества. Война в Испании разрушила планы фашистских интервентов, надеявшихся добиться быстрой победы на испанской территории и использовать ее как плацдарм для большой европейской войны. Война в Испании нанесла непоправимый удар фашистскому мифу о «непобедимости агрессора».

Весною 1938 г. фашистские интервенты при поддержке Англии сосредоточивают крупнейшие силы в Испании и предпринимают решительное наступление на восточном фронте. Им удается прорваться к морю и разрезать республиканскую территорию на две части. Однако испанский народ продолжает героическое сопротивление интервентам и снова спутывает карты фашистских агрессоров и их покровителей.

Война Японии против Китая

К лету 1937 г. средиземноморский плацдарм войны соединяется внутренней связью с тихоокеанским очагом войны, приобретающим исключительное значение в связи с новым этапом японской агрессии в Китае. 7 июля Япония начинает захват Северного Китая, 13 августа она начинает наступление на Шанхай. На континент перебрасывается миллионная армия. В течение нескольких месяцев японские войска захватывают Бэйпинский район и северные провинции Китая, оккупируют Шанхай и Нанкин. Японская агрессия угрожает не только национальному существованию Китая — она непосредственно затрагивает крупнейшие интересы таких держав, как Англия, США, Франция. Никогда еще Япония не вторгалась так глубоко в сферу непосредственных стратегических позиций Британской империи. Япония угрожает Гонконгу, ставит под удар линии связи с Сингапуром, нависает угрозой над южными британскими владениями и Австралией. Японская экспансия на юг, в частности окружение острова Хайнань и укрепление японских позиций в Сиаме, создала непосредственную угрозу для Французского Индо-Китая, для Голландской Индии, для Филиппин. Под удар были поставлены также крупнейшие экономические интересы капиталистических держав в Китае. Если раньше такие державы, как Англия или США, связывали с японской агрессией в Манчжурии угрозу подрыва своих более или менее локальных экономических интересов, то сейчас речь идет об угрозе для всей

системы их экономических позиций в Китае. Устами Суэцугу — влиятельнейшего министра в правительстве Коноэ, японская военщина в конце 1937 г. открыто поставила вопрос о том, что «интересы белых наций на Дальнем Востоке должны ступать перед японской миссией» и что если иностранные державы будут защищать свои позиции в Китае и на Дальнем Востоке, то Япония не остановится перед тем, чтобы развязать мировую войну.

В первую очередь, японской агрессией были затронуты интересы Англии. Однако, несмотря на широкую кампанию за применение санкций по отношению к японскому агрессору, которая велась в Англии, консервативное правительство выступило против санкций. Усиливая свои военно-стратегические позиции на тихоокеанском плацдарме, оказывая некоторую неофициальную поддержку Китаю, Англия в то же время высказывалась и в Лиге наций и на Брюссельской конференции участников Вашингтонского договора, созванной в ноябре 1937 г., против решительных мер, против применения санкций в отношении Японии. Англия продолжала политику поисков компромисса с Японией за счет Китая. Нельзя, однако, не заметить изменений, происшедших в английской дальневосточной политике по сравнению с периодом «маньчжурского инцидента». В то время Англия оказывала прямую поддержку Японии. На новом этапе она заинтересована в том, чтобы оказать противодействие Японии. На новом этапе база для компромисса с Японией за счет Китая чрезвычайно сузилась. Резко усилились тенденции к англо-американскому сотрудничеству, направленному против Японии.

Еще более явственные сдвиги наблюдались на протяжении 1937 г. в политике США. Несмотря на то, что английские капиталовложения в Китае значительно превышают американские и что под угрозой оказались в первую очередь стратегические позиции Британской империи, все же, исходя из своего географического положения, исходя из дальних перспектив, США рассматривают себя как государство в первую очередь заинтересованное в событиях на Дальнем Востоке. Целый ряд выступлений Рузвельта и государственного секретаря Хэлла на протяжении 1937 г. свидетельствовали о серьезнейшей тревоге, вызванной в США японской агрессией в Китае и наличием фашистского блока агрессоров, стремящихся к новому переделу мира. Рузвельт высказывался за необходимость более активной внешней политики, коллективного противодействия агрессору, фактического отхода

от доктрины нейтралитета. Правда, изоляционисты имеют еще очень сильное влияние в США, однако их популярность несомненно падает. 11 января 1938 г. в палате представителей была провалена поправка изоляционистов к закону о нейтралитете, заключающаяся в том, что, за исключением случая прямого нападения на территорию США, для объявления войны необходимо предварительно провести плебисцит.

Тенденции к англо-американскому сближению, усилившиеся как в Англии, так и в США, нашедшие свое выражение в переговорах о заключении англо-американского торгового договора, связаны точно так же в первую очередь с обострением тихоокеанской обстановки, с обострением англо-японских и японо-американских противоречий. По-видимому, на протяжении 1937 г. между Англией и Америкой велись переговоры о конкретном военно-морском сотрудничестве на Тихом океане. Новая программа большого военно-морского строительства, предложенная Рузвельтом, резко направлена своим острием против японской угрозы, ощущаемой в Соединенных Штатах не только благодаря японской агрессии в Китае, но и благодаря той широкой шпионской диверсионной работе, которую ведут японцы (а также германские и итальянские фашисты) как на территории США, так и в зоне Панамского канала, и в странах Южной Америки.

<...>

«Треугольник» агрессоров

Оформление блока агрессоров, фактически созданного в ходе войны, развязываемой на различных участках международной арены, произошло 6 ноября 1937 г. в Риме. В этот день был подписан протокол о присоединении Италии к японо-германскому «антикоммунистическому» пакту от 25 ноября 1936 г. Через несколько дней после подписания римского соглашения, а именно 29 ноября, Италия признала аннексию Японией Манчжурии, а Япония, в свою очередь, признала «правительство» генерала Франко (30.XI). 11 декабря 1937 г. Италия заявила о своем выходе из Лиги наций (фактически она покинула Лигу наций в мае 1936 г. ввиду отказа Лиги наций признать аннексию Абиссинии). На следующий день Германия также заявила, что она навсегда снимает вопрос о своем возвращении в Лигу наций. Три агрессивных государства открыто объявили о том, что они

выступают общим фронтом на международной арене в борьбе за новый передел мира. Лозунг «борьба против Коминтерна», которым фашистские агрессоры прикрывают военный союз, на протяжении 1937 г. обнаружил перед всем миром действительную свою сущность. Под флагом «борьбы против коммунизма» осуществляется международный разбой и готовится мировая война за новый передел мира. Японская военщина в своих официальных заявлениях подчеркивает две цели, которые побудили ее заключить тройственный пакт: во-первых, Германия должна держать под угрозой западные границы СССР, во-вторых, Италия должна держать под угрозой средиземноморские коммуникации и отвлечь внимание Англии от Дальнего Востока. Германские и в особенности итальянские официозные органы, со своей стороны, не скрывают своего злорадства, связанного с тем, что события на Дальнем Востоке отвлекают внимание Англии от европейских дел и расчищают дорогу для фашистской агрессии в Европе и в Африке. Итальянские официозные органы, в связи с заключением римского соглашения от 6 ноября, занимались подсчетом линкоров, крейсеров и эсминцев, а также подсчетом сухопутных и воздушных сил, которые три «тоталитарных» государства могут противопоставить остальному миру. Вряд ли эти подсчеты имеют какое-либо отношение к «борьбе против коммунизма». Даже большинство буржуазных обозревателей, подводя итоги 1937 г., подчеркивают, что сами агрессоры дискредитировали излюбленный ими лозунг «борьбы против большевизма», в частности своей прямой поддержкой японской агрессии в Китае.

Лозунг «борьбы против большевизма» не случайно, однако, стал универсальным лозунгом фашистской агрессии, которым прикрывается и интервенция в Испании, и война в Китае, и даже требование передела колоний в Африке («спасение Африки от большевизма»). Этот лозунг стоит в тесной связи с неслыханными масштабами шпионско-диверсионной работы, которую развернули фашистские агрессоры в первую очередь в тех странах, которые избраны ими в качестве объекта для нападения. Одним из пунктов официально опубликованного «антикоминтерновского» пакта является провозглашение агрессорами их права вмешательства во внутренние дела других государств под предлогом «борьбы против большевизма». На протяжении 1937 г., помимо широкого развертывания шпионско-диверсионной работы в Испании и в Китае, мы имели такие факты, как подготовка фран-

цузскими фашистами «кагулярами» — агентами и наемниками германского гестапо и итальянской «овра» — государственного переворота во Франции; организованные германской агентурой фашистские выступления в Бразилии; лихорадочная активность гитлеровской агентуры в Чехословакии; подготовка национал-социалистского путча в Венгрии; подготовка к захвату Австрии, фашистский переворот в Румынии; широкая шпионско-диверсионная работа фашистских агентов во всех странах арабского Востока, в частности во Французском Тунисе и Марокко, в Египте, Палестине и Сирии. Знаменательна в этом отношении театрализованная поездка Муссолини в Ливию в марте 1937 г. и выступление его в качестве «защитника ислама».

Совершенно особое место занимает организация фашистского шпионажа через троцкистско-бухаринских шпионов, диверсантов, убийц на территории Советского Союза. Славная советская разведка на протяжении 1937 г. нанесла могучий удар шпионско-диверсионной агентуре фашистских стран, разгромив троцкистско-бухаринские гнезда фашистского шпионажа. Международный троцкизм широко использовался фашистской разведкой во всех странах, в том числе в Испании и в Китае.

Хотя лозунг «борьбы против большевизма» подчеркивает антисоветскую направленность в политике агрессивных государств и, хотя эта сторона дела не нуждается в комментариях, однако на протяжении 1937 г. особенно ярко было продемонстрировано, что антисоветское направление отнюдь не является единственным направлением агрессии фашистских государств. Не случайно, что фашистским государствам, как они ни старались, не удалось доказать англичанам и американцам, что их агрессия направлена лишь против СССР. Не случайно, что многочисленные иностранные обозреватели вынуждены прийти к выводу, что фашистский блок направлен и против таких стран, как Франция, Англия, США, ибо этот блок выбирает, в первую очередь, наиболее безопасные направления агрессии, к каковым антисоветское направление отнюдь не принадлежит.

Блок агрессоров объединил государства, несомненно обладающие крупными вооруженными силами, однако экономическая, финансовая и внутривнутриполитическая слабость как всего блока, так и каждого участника этого блока в отдельности ни для кого не подлежит сомнению. На протяжении 1937 г. эта слабость продемонстрировалась дальнейшим истощением финансовых резервов

трех агрессивных стран, неудачей автаркических мероприятий, несмотря на лихорадочную мобилизацию всех ресурсов. Эта слабость демонстрировалась, наконец, нарастанием недовольства и возмущения народных масс против политики голода и войны, против варварского лозунга «пушки вместо масла», ставшего универсальным лозунгом фашистского милитаризма. В тесной связи с этим стоит и острая внутренняя борьба в правящем лагере «тоталитарных» стран. В Японии эта борьба, принявшая чрезвычайно резкие формы, была загнана внутрь, но отнюдь не изжита в связи с войной в Китае. В Германии эта борьба открыто выявлялась наружу в виде острых разногласий между фашистской партией и руководителями рейхсвера, между Герингом и Шахтом, между фашистскими «сверхдипломатами» и умеренными дипломатами старой школы из министерства иностранных дел. К началу 1938 г. скрытая внутренняя борьба в фашистском лагере Германии вырвалась наружу и привела 4 февраля к острому внутривластическому кризису.

<...>

Выросший государственный долг, отнимая около одного млрд долл. в год только на проценты по долгам, несомненно давит на бюджет. Но дело не только в этом. В данное время правительству США значительно труднее, чем восемь лет назад, мобилизовать средства на борьбу с кризисом. В 1930 г. государственные доходы еще превышали расходы, и национальный долг составлял всего половину национального долга 1938 г. Тем более трудно мобилизовать средства Франклину Рузвельту, который наталкивается на саботаж крупнейших капиталистов.

«Саботаж» капиталистов. В октябре 1929 г. в разгар паники на нью-йоркской бирже крупнейшие богачи США выступали с успокаивающими заявлениями. Рокфеллер демонстративно начал покупать большие пакеты акций. Морган вместе с федеральным резервным банком ассигновал фонд в 50 млн долл. для смягчения напряженного состояния на денежном рынке. С этой же целью в конторе Моргана начались совещания банковской пятерки, которые продолжались до конца февраля 1930 г. Участник совещания Томас Ламонт тогда заявил, что кроме собственных фондов пятерка получила еще 100 млн долл. для своих операций. 5 декабря 1929 г. в Вашингтоне собрались 400 руководителей крупнейших банков и трестов США. Представители американского капитала обещали президенту Гуверу вложить

в 1930 г. в промышленные и железнодорожные предприятия свыше трех млрд долл.; они также обещали не сокращать числа рабочих и не снижать заработной платы.

Капиталисты, разумеется, не в состоянии планировать и устанавливать по своему усмотрению кризис или подъем. Смена различных фаз капиталистического цикла происходит помимо их воли и желания. Но все же в определенной фазе конъюнктуры они могут временно смягчать или обострять положение.

Совершенно противоположную позицию заняли крупнейшие банкиры и промышленники в конце 1937 г. Они кричат на всех перекрестках, что в кризисе виновато правительство, что экономическая политика Рузвельта вызвала «преждевременный» экономический кризис. Рупор центрального органа республиканской партии («New York Herald Tribune»), Томпсон, писал 3 ноября 1937 г.:

«Вся страна знает, что перерыв в хозяйственной деятельности не явился в результате нормального развития цикла. Страна знает, что она видит бесподобный пример кризиса, сделанного правительством, кризиса, вызванного близорукостью, абсурдной политикой, которая началась с регулирования просперити и кончилась расстройством оживления. Вся страна знает, что правительство, намереваясь контролировать бум, застопорило все».

О фактах саботажа со стороны крупного капитала, старающегося углубить и обострить кризис, неоднократно сообщала в последние месяцы 1937 г. сама капиталистическая печать США. 26 ноября «Annalist» писал: «При наличии акта Вагнера единственный ответ на стачку рабочих — это забастовка со стороны капитала». 12 ноября «New York Herald Tribune» сообщил, что силовые тресты готовы вложить свыше одного млрд долл. в свою промышленность, если только правительство удовлетворит их требования, а 3 января 1938 г. «Wall Street Journal» говорил даже об ассигновании этими трестами свыше 2 млрд долл. на ближайшие два года на тех же условиях.

Конкретные обвинения, которые крупные капиталисты выдвигают против президента Рузвельта, когда они говорят, что он «сделал кризис», сводятся к следующему: 1) неправильная политика в отношении резервных банков и биржи; 2) слишком высокая заработная плата; 3) государственная конкуренция парализует инициативу силовых трестов; 4) ошибочная налоговая политика.

Рассмотрим эти вопросы в такой же последовательности.

Хотя 25-летняя деятельность резервной системы показала, что резервные банки не в состоянии ни изменить, ни контролировать циклическое развитие капитализма, в правительственных и деловых кругах США до сих пор еще придается слишком большое значение манипуляциям ценными бумагами и контролю дисконтного процента. Со времени последнего оживления, начавшегося в 1935 г. в Вашингтоне, чувствовалась боязнь краха, которым неизбежно кончается каждый бум. Были приняты мероприятия против так называемого спекулятивного бума. Эти мероприятия шли по линии кредита: во-первых, сумма, необходимая для обеспечения акций (margin), как у банков, так и брокеров, была повышена до 55%. Во-вторых, с августа 1936 г. до мая 1937 г. повышался несколько раз гарантийный фонд, который банки-члены должны держать в резервных банках. До августа 1936 г. этот фонд должен был равняться в среднем не менее 7% депозитов банков-членов, с мая 1937 г. — не меньше 14%. Таким образом, за 10 месяцев были сокращены резервы банков-членов сверх гарантийного фонда с 3167 млн долл. до 890 млн долл., а потенциальная экспансия банковских депозитов была сокращена с 40 млрд долл. до 6–7 млрд долл. В-третьих, в декабре 1936 г. был создан так называемый «стерилизационный фонд». Ввиду продолжающегося большого притока золота в США, которое может быть использовано банками для кредитной экспансии, решено было это золото «обезвредить», лишить его активности. Все золото скупается казначейством США на специально выпускаемые обязательства, которые не могут служить гарантийным фондом для увеличения депозитов. К годовщине создания «стерилизационного фонда», 25 декабря 1937 г., в нем накопилось золота на 1 232 млн долл. Обычно такое количество золота может служить даже сейчас еще основой для кредитной экспансии, для увеличения банковских депозитов на 8,5 млрд долл.; при накоплении его в специальном фонде это золото может увеличить депозиты только на 1 232 млн долл.

Оппоненты Рузвельта говорят, что «искусственное торможение процветания», торможение кредитной экспансии вызвало «преждевременный» кризис. Шаткость и лживость этих теорий очевидна. Правительство уменьшило только потенциальную кредитную экспансию. Верно лишь то, что США не избежали кризиса при политике «торможения бума» Рузвельта, равно как

они не вернулись к процветанию при политике «дешевых денег», при политике максимальной «кредитной экспансии Гувера». И кризис и «процветание» не создаются ни мудростью американских президентов, ни манипуляциями резервных банков!

Второе обвинение, которое многие крупные капиталисты выдвигают против Рузвельта, — это слишком, мол, высокая заработная плата. Они говорят, будто бы лояльная позиция президента по отношению к борьбе рабочих и к рабочему законодательству повысила заработную плату и уменьшила прибыль настолько, что предпринимателям приходится закрывать фабрики и заводы. При проверке цифр прибыли и зарплаты этот аргумент оказывается совершенно не соответствующим действительности.

В 1936–1937 гг. рабочие действительно добились в борьбе значительных успехов на заводах автомобильных и стальных трестов. В 1936 г. зарплата в стальной промышленности выросла на 125 млн долл. Но вместе с тем чистая прибыль стальных корпораций увеличилась с 54 млн долл. в 1935 г. до 161 млн долл. в 1936 г. — рост на 198%. В обрабатывающей промышленности в лучшие месяцы 1937 г. средняя зарплата была всего на 18% выше средней зарплаты 1936 г. Между тем, чистая прибыль 265 корпораций была за первые 9 месяцев 1937 г. на 29,4% выше, чем за первые 9 месяцев 1936 г. В отношении повышения заработной платы на предприятиях крупных компаний стальные корпорации, в частности некоторые предприятия Стального треста, заняли в 1937 г. первое место в связи с соглашением, которого рабочие добились в марте этого года. Если учесть сокращение рабочей недели, то самое большое повышение почасовой заработной платы, которого рабочие добились в 1937 г., составит 25–30% по сравнению с 1936 г. Между тем, чистая прибыль Стального треста выросла за первые 9 месяцев 1937 г. по сравнению с соответствующим периодом 1936 г. на 219%, а чистая прибыль других стальных компаний — на 95%. 3 января 1938 г. «Wall Street Journal» писал, что повышение заработной платы отнимает у стальных компаний только от 7,5 до 10% того, что эти компании получают от повышения цен. Прибыли 265 главных корпораций были за первые 9 месяцев 1937 г. выше не только соответствующих периодов истекших восьми лет, но и 1928 г.; они только несколько уступали в абсолютных цифрах 1929 г., а в отношении процента на капитал они даже превышали 1929 г.

Третье обвинение против Рузвельта — это государственная конкуренция с силовыми трестами. Представители силовых трестов в Вашингтоне твердят, что широкая программа строительства государством электрических станций и правительственная политика дешевой электроэнергии заставляют силовые тресты резко сокращать строительство. За десять лет, с 1923 по 1932 г., силовые компании вкладывали в новое строительство в среднем ежегодно в три раза больше, чем в среднем за пять лет со времени прихода к власти Франклина Рузвельта. В 1929 г. в электропромышленности было израсходовано на капитальное строительство 900 млн долл., а в 1937 г. — половина этой суммы — 450 млн долл. Но государство, как известно, ограничивается сооружениями, имеющими общественное значение: не строит домен, автомобильных заводов, текстильных фабрик и т. п. Почему же тресты, с которыми государство не конкурирует, вкладывали в 1937 г. в строительство только около половины того, что они расходовали на строительство в 1929 г.? На этот вопрос экономисты силовых компаний ответа не дают.

Наконец, четвертый вопрос, который, пожалуй, подвергается больше всего критике со стороны влиятельных кругов крупного капитала, — это налоговая политика Рузвельта. Американские капиталисты находились долго в привилегированном положении. В Америке налог на капитал был ниже, чем в ряде стран Европы. В последние 5–6 лет, с 1933 по 1937 г., федеральные и местные налоги США выросли с 7,5 до 12,5 млрд долл. За это время было введено несколько новых налогов. Главное, против чего восстает крупный капитал, — это акт 1936 г., который установил прогрессивный налог на нераспределенную прибыль корпораций до максимума в 27%. Этот налог имеет не только фискальное значение. Его прогрессивный характер стимулирует распределение между акционерами большей доли дивидендов, чем раньше. Именно это обстоятельство не нравится учредителям крупных корпораций. Они говорят, что вместо того, чтобы превратить нераспределенную прибыль в основной капитал производства или держать ее как резерв на случай угрозы кризиса, эта прибыль вкладывается в освобожденные от налога ценные бумаги и таким образом она перестает участвовать в процессе производства.

Освобожденные от налога ценные бумаги приносят всего 2,5–3% в год. Между тем отчет 265 промышленных корпораций за первые 9 месяцев 1937 г. показывает среднюю чистую годовую

прибыль на капитал в 13% по сравнению с 10,5% в 1936 г. и 6,7% в 1935 г. Несмотря на введение в 1935–1936 гг. нескольких новых видов налогов, чистая прибыль корпораций в 1937 г. была в 2 раза выше, чем в 1935 г. Никто не поверит, что при наличии возможности инвестиции капитала в промышленность при 13% годовых предприниматели станут вкладывать свои средства в ценные бумаги, дающие всего 2,5–3% дохода в год.

Что касается резерва на случай кризиса, то следует напомнить, что в 1929 г. нераспределенная прибыль корпораций составляла почти 40 млрд долл. Однако аккумуляция такого большого резерва не только не спасла от кризиса, но еще больше обострила его. Не вернее ли будет обратное: если бы огромные резервы крупных корпораций были бы распределены между массой мелких акционеров, да и не только между акционерами, но и шли бы на увеличение заработной платы рабочих и служащих, на расширение покупательной способности широких масс населения, — не содействовало ли бы это хозяйственному оживлению? Разумеется, никто такой щедрости от капиталистов не ожидает. Это противоречило бы духу и природе капитализма. «Если бы капитализм мог приспособить производство не к получению максимума прибыли, а к систематическому улучшению материального положения народных масс, если бы он мог обращать прибыль не на удовлетворение прихотей паразитических классов, не на усовершенствование методов эксплуатации, не на вывоз капитала, а на систематический подъем материального положения рабочих и крестьян, то тогда не было бы кризисов. Но тогда и капитализм не был бы капитализмом»*.

Как видим, аргументы тех обвинителей, которые говорят, что «кризис сделан правительством», не выдерживают критики. Действительные причины поведения ряда крупнейших богачей США в 1937 г. политические.

Ежемесячный орган компартии США «Communist», анализируя создавшееся положение, писал в декабре 1937 г.: «Монополистический капитал решил на сей раз не бороться с нарастающим кризисом, а стимулировать и обострить его с целью побороть растущее профессиональное движение и провалить программу прогрессивного законодательства в конгрессе... Монополистиче-

* Сталин. Политический отчет Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б), «Вопросы ленинизма», стр. 351.

ский капитал проводит “сидячую” стачку. Он старается прямыми действиями аннулировать мандат, данный народом (Рузвельту. — В. Л.) в ноябре 1936 г.». Крупнейшие богачи США готовят реванш на предстоящих в 1938 г. выборах в конгресс.

Каков бы ни был исход борьбы, каковы бы ни были результаты «саботажа» монополистического капитала, но условия для проведения правительством специальных кредитных и финансовых мероприятий за время кризиса 1937 г. являются несравненно менее благоприятными, чем в 1929 г.

Мероприятия Рузвельта. 14 апреля 1938 г. в специальном послании президент Рузвельт предложил ассигновать 4-миллиардный фонд на «оздоровление хозяйства». В соответствии с этим планом 12 мая палата представителей большинством в 329 голосов против 70 решила ассигновать 2 500 млн долл. и выпустить заем на сумму в 500 млн долл. на общественные работы и на помощь безработным и нуждающимся фермерам.

План предусматривает ассигнование 4-миллиардного фонда, не считая ранее ассигнованных по бюджету на помощь безработным и на общественные работы свыше 1 млрд долл. Таким образом, покупательную способность населения предполагается увеличить на 5 млрд долл., что составит приблизительно 10% национального дохода 1938 г. Теоретически в основу плана положена следующая идея: за время кризиса страна искусственно повышает свои расходы на 10% и погашает перерасход во время «просперити».

Реально, однако, можно говорить не о 10%, а о 6% увеличения расходов, т. е. не о 5-миллиардном, а только о 3-миллиардном фонде, одобренном палатой представителей. Но и из этих 3 млрд только та часть может почти полностью рассматриваться как немедленные расходы, которая пойдет на прямую помощь безработным. Другая же часть, предназначенная на организацию общественных работ, должна будет выделить из своего фонда значительные средства на содержание административно-технического персонала, который сохранит часть своего заработка в виде сбережений.

Что касается ассигнований других фондов на «оздоровление хозяйства» сверх 3 млрд долл., одобренных палатой представителей, то они зависят от расширения банковского кредита и поэтому они вызывают большие сомнения. План Рузвельта предполагает дестерилизацию «стерилизационного фонда» и уменьшение про-

цента, который банки-члены должны держать в резервных банках в виде гарантийного фонда по отношению к своим депозитам. Эта операция увеличит резервы банков-членов сверх необходимого гарантийного фонда почти до 4 млрд долл., а потенциальную кредитную экспансию она доведет до 40 млрд долл.

Вся эта операция вряд ли даст что-либо существенное. Для надежных дебиторов в банках и так лежат свободные деньги. Все дело в том, что механизм создания кредита действует лишь тогда, когда промышленность получает ссуду, рассчитывая на прибыль, и когда банки знают, что займы обеспечены и ликвидны. С начала кризиса до опубликования плана Рузвельта резервы банков-членов сверх гарантийного фонда больше чем удвоились. Банки-члены резервной системы предпочитали лучше держать в резервных банках без процентов сверх необходимого гарантийного фонда свыше полутора млрд долл., чем превратить эту сумму в 10-миллиардный кредит в руках малонадежных должников. Тем более трудно ожидать, чтобы банкиры шли навстречу планам президента тогда, когда крупнейшие богачи страны стараются углубить кризис для того, чтобы свести политические счета с Рузвельтом.

Следует отметить, что Рузвельт отверг предложения реакционных членов конгресса, советовавших отменить акт Вагнера и принять другие мероприятия, которые должны были переложить бремя кризиса всецело на рабочий класс.

Предстоящие выборы в конгресс обеспечили плану Рузвельта подавляющее число голосов в палате представителей. Члены палаты знают, что за план Рузвельта стоят широкие массы избирателей. Многие конгрессмены надеются, что новый план позволит им явиться до выборов в свои штаты к избирателям с определенной суммой для организации общественных работ и помощи безработным.

